ЗАПОВЕДАНО УБЕРЕЧЬ

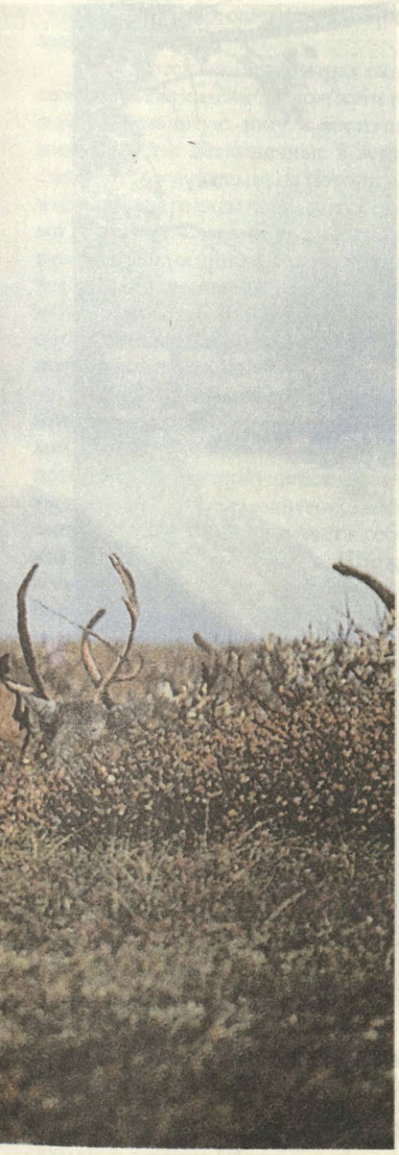
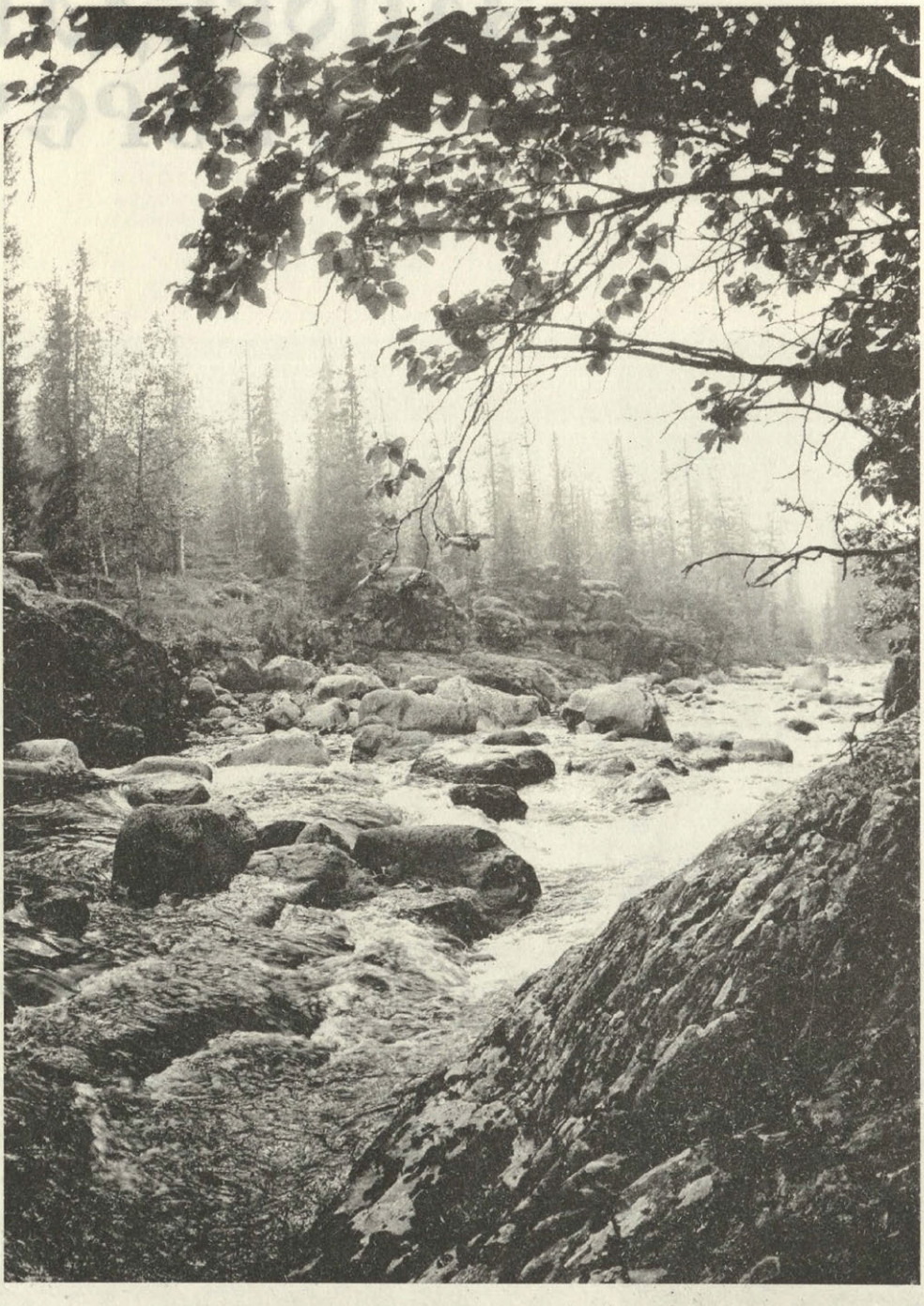


Фото А. Мелехова

- Там, где рождаются реки
- Бесценный дар
- Не примеряй Венерин башмачок
- Щедрая и ранимая
- Заповедано уберечь

А.Таскаев
В.Пономарев

ТАМ, ГДЕ РОЖДАЮТСЯ РЕКИ



Каждый человек, куда бы не забросила его судьба, бережет в душе образ какой-нибудь затерянной в лесах деревушки, ручейка, рощицы, с которыми связаны самые теплые воспоминания детства, первых открытий, первой любви.

Тяга к «малой» родине, ностальгия к заветному пейзажу, будоражащие, почти навязчивые мечты вернуться в зовущие края — эти чувства поддерживают наш оптимизм, сохраняют веру в то, что лучшее еще впереди.

А разве не пришлось любому из нас хоть однажды посетить такие дали необъятной России, к которым сразу и навсегда прикипает сердце? Для иных «очарованных странников» они становятся смыслом дальнейшей жизни.

Именно таким, влюбляющим в себя, околдовывающим уголком дикой природы, уже довольно редкой на нашей планете, является водоток Северного Урала — Щугор, один из крупнейших уральских притоков Печоры. Он потрясает своей красотой, первозданностью ландшафтов, богатством животного и растительного мира.

Чрезвычайно сильные чувства оставляет знакомство с неукротимым характером Щугора на порогах. Река буквально вгрызается в могучие горные хребты, чтобы затем спокойно и величаво нести свои воды в каньонах, каменными кручами обрывающихся вниз. Каньоны щедро обрамлены выходами горных пород, поросшими кедрачом. Неповторимы чистота и вкус хрустальной щугорской воды. В брызгах падающих струй — необычайно богатое многоцветье солнечных бликов. А с чем можно сравнить грацию, мощь упругого тела, свечой выпрыгнувшего из воды? Это королева Севера — знаменитая Семга.

Таков Щугор, одна из достопримечательностей Коми земли.

Рождается она на южных склонах горы Ярута. На своем трехсоткилометровом пути река одолевает горную полосу, увалистую зону и восточную часть Печорской низменности. Бесконечные в верхнем течении пороги сменяются участками, на которых короткие, но буйные и шумные перекаты чередуются с протяженными плесами и ямами. Огромной глыбой возвышается посреди русла один из вечных символов Урала — Овин-камень. И без того стесненная пойма реки прерывается живописнейшими громадами Верхних и Средних Ворот Щугора, образованными выходами известняковых пород каменноугольной системы.

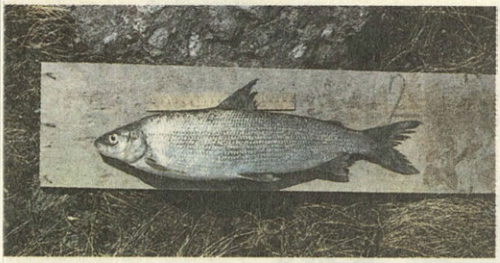
Величественные берега, часто переходящие в отвесные стены, пронизаны множеством гротов, пещер, ущелий. В одном из таких ущелий Верхних Ворот тугим потоком падает с кажущейся головокружительной высоты прячущийся от глаз щугорский водопад. Он издавна, словно магнитом, притягивает к себе неутомимых путников гор и лесов — туристов. Широким симметричным веером врезаются в парму седые скалы. Они образуют Ворота Нижние, пленяющие своей суровостью и таинственностью, производящие впечатление рукотворных.

А ведь Щугор — это не только изумительный памятник природы. Его воды — излюбленное обиталище чрезвычайно интересного по составу сообщества рыб. Ценность их определяют лососевидные, в числе которых — обласканная мировой известностью семга.

Сёмга

Примыкающие к реке и ее многочисленным, большим и малым, притокам девственные леса составлены кедром, елью, пихтой, сосной, березой, осиной. Сочетание густых ельников и просторных боров, березняков и болот удобны для гнездования и постоянного обитания тетеревиных — рябчика, глухаря, тетерева, куропаток. Большинство островов, а в нижнем течении и пойменных лугов, облюбованы черными лесными косачами, для турнирных поединков — здесь их токовища. В первые же осенние заморозки можно наблюдать массовые выходы на галечниковые косы Щугора сотенных и тысячных стай глухарей и тетеревов.

Весной, когда на берегах реки появляется первая трава, нередки встречи со страшным для новичка таежным хозяином — бурым медведем. Сюда же частенько выходят еще не успевшие сбросить зимний белоснежный наряд зайцы. В летнее время воды Щугора становятся единственным спасением от гнуса для крупных копытных животных — дикого северного оленя и лося. В приречных лесах вполне заурядны встречи с белкой, куницей, кидусом, горностаем, лисой. Опытный наблюдатель разглядит следы рыси и росомахи, выдры и даже соболя. Все это обыденная жизнь Щугора.



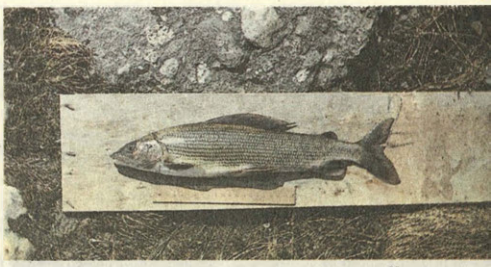
Сиг

Замечателен здесь сезон года, когда безумная стихия унесет последние осколки зимнего покрова реки и лишь под густой сенью вековых елей потемневшими лохмотьями останется снег. Именно тогда на берегах реки приходилось наблюдать поистине библейские картины, сохранившиеся в нашей врожденной памяти от древних пращуров.

Чуть поодаль от уреза воды пара зайчишек мирно подрезает молодые побеги злаков. Тут же, на камешках, прохаживаются тетерки, ничуть не стесняясь соседства нескольких крохалей — хищных зубастых уток. Рядом — неизвестно по какой причине приставший к их компании чирок. А орлан-белохвост, парящий над одинокой скалой, склоненной над бешено несущимся щугорским потоком, казалось бы нисколько не интересуется неосторожными обитателями этого природного зоопарка. Впрочем, и медведь, ковыряющийся в уже проверенном собратом муравейнике на противоположном берегу реки, тоже абсолютно спокоен. Как будто здесь собраны вместе иллюстрации Брема. Вся эта идиллия погружена в библейскую тишину, сколь желанную, столь и неведомую для жителей современного мегаполиса. Тишина нарушается лишь шелестящим, звенящим шумом бьющейся о камни воды. Божественный покой словно вымывает из души все мелкое, суетное, оставляя лишь мысли о значительном, вечном.

Кажется, именно на Щугоре — и только очень хорошим людям — много тысячелетий тому назад Природа подарила воплощенный замысел Создания. Она одарила нас удивительным парком.

Фото Г.Лисецкого



Хариус

Безусловно, идея парка давным-давно витала в воздухе. Тем более, что в мире накоплен более чем столетний опыт организации и ведения национальных парков. Основная задача подобных территорий предельно проста и благородна — сохранение близких к естеству ландшафтов, отмеченных печатью эстетической и просветительской ценности и избежавших (исключительно благодаря стечению обстоятельств или нашей извечной бедности) безжалостного вторжения «венца природы» — человека.

Было бы наивным призывать людей вернуться в пещеры. Они не в силах отказаться от благ научно-технического прогресса. Но ведь терпение природы не беспредельно, ее сокровища — не горизонт, за которым сколько ни гонись, он так и остается горизонтом. Экологический кризис — не устрашающая теорема из заумных книжек. Это жгучая реальность нынешнего дня, за которой — предел цивилизации. Наступит ли он — это, в свою очередь, вопрос действительной разумности человека, его соответствия видимому названию Homo sapiens. Не завтра, а сегодня надо нам определиться с перспективами процветающего будущего, а не суицидального тупика. Парки — начало практического решения глобальной проблемы.

Есть и вторая сторона идеи национальных парков, выгодно отличающая их от столь же необходимых, но запретных для большинства людей охраняемых территорий — заповедников. Это их реакционная направленность — наш, пожалуй, единственный шанс почувствовать свои корни, свою первую, изначальную, доведенную почти до абстракции созданной всеми предыдущими поколениями человечества природой второй — асфальтной, железобетонной, «окультуренной» и рафинированно-выхолощенной.

Потому-то национальные парки именуются «национальными», что изначально ориентируются на интересы нации, на доступность той самой изначальной, девственной (не декларативной) естественной среды, которая питает и дает жизненные силы нам, неумным и недальновидным детям природы. Они с самого начала рассчитаны на решение проблемы преодоления на десятилетия растянувшегося отчуждения народа от природных ресурсов.

Коми государственный природный национальный парк «Югыд ва» («Чистая вода») окончательно узаконен 23 апреля 1994г., когда вышло постановление правительства Российской Федерации «О создании в Республике Коми национального природного парка». Он занимает особое место среди двадцати семи других парков страны. Чего стоит одна только история его организации, которая может послужить сюжетом для захватывающего романа, причем романа с продолжением, поскольку баталии не окончены.

Главная же особенность парка «Югыд ва» — и одновременно предмет гордости, национального достояния коми — в том, что это чуть ли не единственный оставшийся первозданный регион Европы, который международное сообщество считает (в единой связке с территорией Печоро-Илычского заповедника) объектом мирового наследия. Более того, западные склоны Урала играют важнейшую роль в формировании глобальных климатических и атмосферных явлений, способных внести самые непредсказуемые коррективы в дальнейший ход развития европейской цивилизации.

Территория национального парка Республики Коми оказалась к тому же удивительным средоточием самых разнообразных природных памятников, от геологических до биологических и исторических. Одно перечисление лишь широко известных геологических достопримечательностей заняло бы слишком много места в нашем очерке. Например, только в бассейне Кожима их выявлено более двадцати. Уникальность территории парка еще в том, что она служит своеобразной буферной зоной для сибирской и европейской флор и фаун. В результате их взаимопроникновения и взаимовлияния происходят интереснейшие биологические события, познание которых еще только начинается.

Наконец, все географические зоны природного парка вкупе с примыкающей с юга территорией биосферного заповедника — единая и неделимая страна, обеспечивающая поверхностный сток в бассейне Печоры и в существенной мере определяющая качество вод Баренцева моря и сопредельных акваторий.

Площадь парка «Югыд ва» относится к числу крупнейших в мире особо охраняемых территорий и составляет без малого 1,9 млн. га. Здесь самые разнообразные ландшафты, в том числе горные, тундровые и лесные, покрытые густой сетью рек и озер. Сюда входит большая часть уральского водосбора крупных печорских притоков — Подчерема, Щугора, Вангыра, Кожима, Косью и частично Большой Сыни.

Именно водотоки являются теми артериями, которые сводят воедино большой и целостный организм Северного и Приполярного Урала. Уже так случилось, что к рекам и ручьям приурочено большинство известных природных памятников, отсюда открывается наиболее

разнообразные панорамы и живописнейшие пейзажи. Поэтому вдоль водотоков или непосредственно по ним проложено большинство традиционных и новых туристских маршрутов национального парка.

Совершим мысленную прогулку по некоторым из этих троп, пересаживаясь попутно из натужно гудящего в горах прогулочного вертолета в цветастый и бесстрашный катамаран, чередуя пешие переходы и скоростные водные переезды, сконструированный еще по дедовским образцам, но снабженный современными плоскодонками.

Начинается наш экскурс пешим переходом, в устье реки Подчерем, в направлении ее верховий. Эта река в сравнении с полноводным Щугором — что молодая пихта рядом со стареющей раскидистой лиственницей. Судя по устью, представляющему собой систему небольших, поросших ивняком островков, аккуратно огибаемых мелководными, почти игрушечными рукавами и рукавчиками, очень трудно угадать в этой речушке грозный, неукротимый горный водоток.

Нас ждут дни, наполненные неведомыми ранее эмоциональными всплесками от первых открытий Урала, дни пути по череде бечевников, брусчаткой расстилающихся вдоль реки, и по рифам вздымающихся подъемов. Подчерем будет рисоваться в памяти как длиннющий, практически не прекращающийся перекат, который на спрямленных участках русла напоминает скорее трассу для скоростного горнолыжного спуска — настолько остро ощущается здесь перепад высот. А тяжесть рюкзака, временами желание устраиваться на привал чуть ли не за каждым спуском, не чувствуется вовсе после знакомства с древними подчерскими Нижними Воротами (Кырта-Варта). Встретятся нам и будто позаимствованные из среднерусского пейзажа виды в районе бывшей деревеньки Орловка. Мы увидим выложенную каменщиком по имени Природа из столь знакомого горожанам красно-коричневого строительного материала отвесную исполинскую стену Кирпич-Карты, увидим до сих пор дышащие ветхой стариной урочища и стратотипы верховий Подчерема...

Красоты этой реки завораживают, призывают остановиться, как остановилось здесь каменное диво различных эпох.

Наш путь лежит дальше, через уже знакомый Щугор, через пики и горные долины, ледники и тундры — к Уралу Приполярному. Видавшая виды винтокрылая «восьмерка» то медленно, по сантиметрам, подобно старому лифту, ползет к вечно обволоченным облаками вершинам горы Тельпос-Из, то буквально втискивается между нависшими утесами, обрамляющими реку Торговую — ветхозаветный перекресток купцов и оленеводов, охотников и просто одиноких искателей приключений. Вдруг вертолет падает параллельно вертикальным склонам Исследовательского хребта, опускаясь к овальным блюдцам бездонных горных озер. Затем огибает остроконечный саблинский хребет и, пугнув стадо оленей, скопившихся на пологом гольце, примыкающем с севера к пику Сабля, минуя верховья Вой-Вожа и Лун-Вожа, образующих при слиянии Большую Сыню с угадывающимися издали ее известными из всех путеводителей урочищами Богатырь-Шелье и Красный Камень, Верхними (уже сынинскими) Воротами. Теперь готовимся к посадке у подножия массивной, явно оправдывающей свое название, горы Сундук.

Еще раз окидываем взором дивную круговую панораму хребтов и вершин Сабли и Неройки, Колокольни и Манараги, восхищаемся окутанным дымкой рельефом высочайшей горы Урала — Народы. И отважно пускаемся в стремительный сплав вниз по реке Вангыр.

Горный участок этого водотока, брызжущий и сварливый, приобретает вдруг в ложе ее долины удивительно спокойный и располагающий к сладкой дремоте характер. Галечниковое дно реки ни на секунду не закрывается от наших глаз — ни стирающей яркие краски глубиной, ни рябью и волнением. То и дело вправо и влево от реки уходят протоки горных и пойменных озер. Заглянем ненадолго в одну из них, соединяющую Вангыр с системой Атаманских озер.

Граничащий с рекой болотистый редколесный перешеек вступает в резкий контраст с противоположной стороной озера. Там — обрыв спускающейся в темные глубины водоема горы, поросшей лесом. Воображение подсказывает чудовищные размеры обитающих здесь щук и неописуемые ароматы жареной горной пеляди.

Многочисленные озера как-то враз исчезают в районе впадения в Вангыр Ягинея и Хароты. Завороженный спокойствием тиховода турист внезапно ввергается в стихию бурного потока, несущегося словно по бобслейному желобу. То здесь, то там он встает на дыбы перед нагромождениями русловых валунов, у подскальных прижимов суводей. Таков участок от Хароты до Юспея, места максимального сближения двух рек-близнецов — Вангыра и Сыни. После этого короткого свидания реки расходятся в разные стороны, чтобы вновь встретиться в Усе, впадающей в Печору.

Вангыр, и дальше не теряющий своенравия и достоинства, растекается многочисленными протоками, как бы исподволь готовясь к встрече с Косью. В месте своего впадения он делит Косью на две области — горную и предгорно-равнинную, меандрирующую: она рассыпается во все стороны рукавами и старицами, то собирается новой мощью крупной реки. Наш путь — к истоку Косью, к горам.

Чем дальше забираешься вверх по Косью, тем острее постигаешь ее норов. И тем точнее она соответствует своему названию (по коми кось — порог, ю — река). Все реже острова, все теснее плитняк и впадины донного ложа, отделенные порогами. Неодолимо желание заглянуть в пугающие глубины горных разломов, заполненных рекой. Чем выше, тем полнее цветовой ряд брызг. Тем смелее хозяин горных водотоков Урала — упругий, радужно-стальной хариус. В районе Курсумбайских Ворот, на «Круглой» яме враз укрощается бешенство порога. И столь же резко уходят куда-то вглубь образующие дно складки известняков. Здесь темными стрелами выскакивают у береговой линии омута благородные красавицы-палии, обитатели студеных вод.

Следуем дальше. Разбегающаяся на длинной прямой река на мгновение упирается в подошву массивной каменной глыбы, отполированной языками потока, и — против всех законов физики — уходит, не теряя мощи, вправо и назад. После этого более километра река летит в строгом полутемном коридоре, образованном из выстроенных по линейке скал.

На это раз мы устоим перед соблазном познакомиться накоротке с «Белой лошадью», беснующейся порогом выше. Она разбивает Косью на два ниспадающих под прямым углом каскада. Дальше — разлапистый гребень Манараги. А мы уйдем резко влево, по междуречью Индысея и Нидысея, через сказочные альпийские луга и лишь на первый взгляд безжизненные гольцы, разрезанные селевыми ручьями и дышащими мрачным холодом многовековыми снежниками. Мы идем к Кожиму, не менее удивительной реке.

Кожим вобрал в себя наибольшее количество выявленных доныне диковин и редкостей Северного и Приполярного Урала. Здесь и многочисленные местообитания эндемиков (местных видов), здесь встретится и чикыш — сибирский хариус-беглец. Даже обычный хариус достигает на Кожиме невероятных для других водоемов размеров — свыше трех килограммов. Кожим украшен многочисленными останками, над которыми миллионы лет терпеливо трудилась природа, подобно скульптору, отсекая все лишнее и оставляя на обозрение эстетов будущих поколений свои дивные каменные творения.

Совершенно бесподобна палитра дня, подобранная природой для пейзажей горной долины, где в Кожим впадает коварная и в то же время обворожительная река Балбанью. Она ограничена по правую руку хребтом Росомах, по левую — Малдами с господствующей над всеми окрестностями горой Варсанофьевой. Кожим здесь ревет и кипит, подгоняемый вечным двигателем горных высот. Диким, яростным приступом одолевает каменные преграды — Малды, Яптик, Джагал, Западные Саледы и Обеиз.

Стремительной змеей устремляясь вниз, Кожим ломается серпантином выскакивающих откуда-то перпендикулярных стен каньонов. Река то и дело разворачивается плавной дугой, повторяя очертания гигантского цирка. Неукротимый поток в стремительном беге легко преодолевает нагромождения гигантских валунов и плит, сохраняет свое буйство на протяжении многих и многих километров. Лишь приняв в себя Лимбекою и Бетью, временами Кожим блаженно отдыхает на окруженных беломошными склонами плесах. Лишь иногда он как бы сбрасывает сонливость и вновь ускоряется в местах выходов хребтов.

Попадая в озеро-распадок Каюк-Нырда, Кожим будто разливается во все стороны и замирает. Но справа исподволь режет воду тяжелая треугольная скала-утюг. Она венчает борьбу реки с последней горной грядой. Еще немного, и мы оказываемся в сопле, через которое находит-таки свой выход отдохнувшая в Каюк-Нырде река. Выкинутые потоком из-под скалы, мы долго и стремительно кружимся на непрекращающемся перекате. Глаза не поспевают за калейдоскопом постоянно меняющихся картин. Ущелья то сопровождают русло реки, то пересекают его на парадоксальной траектории.

Мы все ближе приближаемся к конечной цели. Уже миновали Сиговую, Трубу, Сывью, Рыбацкие острова, Монах, Первую Скалу. И вдруг неслыханное чудо: где-то совсем рядом слышно пыхтенье тепловоза. Да, да — это цивилизация. Вот показался железнодорожный мост...

А Кожим открывает свои новые и новые грани. Он неутолим. К кажется, что ты провел здесь не считанные дни, а долгие месяцы и годы. И начинаешь понимать, что Кожим, как и весь Урал, прочно вошли в твою жизнь, ты уже по-новому смотришь вокруг, иначе воспринимаешь жизнь. Наверное, стал немного мудрее, добрее, стал чуточку богаче душой. Таков он, край, где рождаются реки, край, который человечество должно беречь как зеницу ока.

Фото авторов